

О различии лингвистического и литературоведческого подходов в исследованиях по литературной ономастике

Утверждение о том, что литературная ономастика как дисциплина находится на стыке лингвистики и литературоведения, в настоящее время как будто не вызывает никаких возражений и вообще звучит достаточно тривиально. Действительно, практика научных исследований показывает, что к изучению собственных имен в литературных произведениях часто обращаются и лингвисты, и литературоведы, которые с большей или меньшей степенью убедительности выявляют в своих работах немаловажную роль поэтонимов в формировании различных структур художественного произведения. Как всякая фраза, ставшая привычной и почти дежурной, данное суждение кажется вполне очевидным и вроде бы не предполагает специальной рефлексии над своим содержанием.

Между тем такое определение статуса литературной ономастики оставляет неясными конкретные вопросы, решение которых важно прежде всего в методологическом отношении. Неясным и допускающим различное понимание остается, к примеру, выражение *находится на стыке*: идет ли речь о составной части лингвистики, которая в своих целях использует аппарат литературоведения, или о специфической области литературоведения, где наряду с традиционными литературоведческими применяются лингвистические методы, или же, наконец, об «общей территории» лингвистики и литературоведения, в пределах которой в равной мере допустимы как лингвистические, так и литературоведческие подходы. Литературная ономастика, сформировавшаяся во второй половине XX в. не в последнюю очередь благодаря встречному движению лингвистики и литературоведения (повороту лингвистики от изучения системы языка к стихии речи, в том числе речи художественной, и литературоведения от приоритетного изучения проблем концептуального строя и социального бытия произведения к исследованию эстетической значимости компонентов его структуры), развиваясь, закономерно ставит проблему четкого осмысления своих связей внутри филологической парадигмы.

В рамках этой большой задачи возникает и вопрос о наличии специфики лингвистического и литературоведческого подходов к исследованию собственного имени в литературном произведении. Суть этого вопроса может быть сформулирована примерно так: есть ли значительные содержательные расхождения между лингвистами и литературоведами в подходе к исследованию поэтонимов или эти различия носят преимущественно внешний характер, проявляясь, например, в использовании различной терминологии, в различной стилистике научных работ, в апелляции к другим лингвистическим или литературоведческим работам, авторитетам и т. п.? Иными словами, исследуется ли поэтонимия лингвистами и литературоведами одинаково или все же по-разному? И если верно последнее, то чем различаются доминанты лингвистического и литературоведческого подходов? Речь здесь идет, конечно, не о различиях в подходах тех или иных исследователей в их конкретных работах и не

о четкой демаркационной линии, отграничивающей работы всех лингвистов от работ всех литературоведов (что вряд ли возможно, да и не нужно), а именно об определении доминант во всей совокупности исследований данной научной области.

Так как всякая специфика явлений может быть выделена только на основе обнаруживаемой их общности, следует сначала найти то общее, что сближает литературоведческий и лингвистический подходы к изучению собственного имени в художественном тексте. Таким общим, на наш взгляд, являются объект и предмет исследования. Для любого филолога, работающего в сфере литературной ономастики, объектом исследования является поэтонимия литературного произведения, обращается ли он к анализу одного, нескольких или всех собственных имен этого произведения. Впрочем, данный объект исследования еще не обуславливает принадлежности его работы к сфере литературной ономастики, поскольку к рассмотрению собственных имен могут обращаться специалисты иных научных областей – скажем, истории языка (и просто истории), логического анализа языка, философии, психологии, социологии и т. д. В этом случае художественный текст оказывается просто «поставщиком» необходимого материала для анализа проблем, прямо не связанных с самим художественным произведением. Конституирует существование литературной ономастики как самостоятельного научного направления не объект, а предмет исследования.

Предметом литературной ономастики, по нашему мнению, является смыслообразующий потенциал поэтонима, т. е. совокупность потенциальных по своей сущности смыслов, порождаемых собственным именем в художественном тексте в результате взаимодействия онима с другими структурными элементами произведения и элементами интертекста, в пространстве которого возникает и функционирует произведение. Действительно, любой исследователь, поставивший целью изучить имя в литературном тексте, так или иначе работает с извлекаемыми из произведения смыслами, проявляя в какой-то мере смысловую структуру имени – объекта своего анализа. Легко заметить, что при такой постановке вопроса лингвист-ономастолог ни в коей мере не отличается от литературоведа, обратившегося к литературной ономастике, поскольку оба изучают один и тот же объект и предмет. Это и неудивительно: оба находятся внутри одной и той же научной области, структурированной заданным предметом исследования. Это позволяет рассматривать литературную ономастику как общефилологическую дисциплину, не привязанную жестко ни к лингвистике, ни к литературоведению. В сущности, литературная ономастика выступает в таком ее понимании в качестве комплексной герменевтической дисциплины, главная цель которой состоит в экспликации структуры смыслов поэтонима.

В то же время смыслы, порождаемые поэтонимом в контексте и интертексте, извлекаются лингвистом и литературоведом с несколько разными целями и прорецируются в процессе исследования на разные структуры произведения. Литературоведы чаще всего заинтересованы в выявлении тех или иных смыслов поэтонима для обращения посредством их к надязыковым уровням произведения, и прежде всего к его концептуальному плану. Имя при этом оказывается одним из аргументов или маркеров определенной художественной идеи, воплощенной не только и не столько в ономастике произведения и находящей своё место во взаимодействии

с прочими идеями в авторской (или читательской) концепции действительности. Иначе говоря, литературовед изучает конкретный ономастический факт для глобального осмысления произведения как целого, когда имя становится частным иллюстративным средством для формирования определенной концепции произведения. Таким образом, фокус внимания исследователя-литературоведа сосредоточивается на том, что выражается именем и какое значение это имеет для формирования концепции произведения. Часто литературовед идет еще дальше, перенося фокус внимания на внетекстовые структуры, будь то реконструируемое сознание автора текста или общественное сознание.

Лингвистическая работа чаще фокусирует внимание на том, действие каких текстовых механизмов приводит к формированию тех или иных смыслов поэтонимом. Лингвист в своей работе не может остановиться на констатации наличия данного смысла; он должен объяснить, как и почему этот смысл возникает в тексте. Это, разумеется, не означает, что лингвист-ономастолог должен работать лишь с лингвистическими единицами произведения и вправе игнорировать его образный и концептуальный план. Без понимания произведения как целого невозможен эффективный анализ его ономастических единиц, впрочем, как невозможен и эффективный литературоведческий анализ поэтонима без достаточного внимания к текстовым механизмам реализации данного смысла. Различие между лингвистом и литературоведом проявляется в разной фокусировке исследовательской оптики, в несовпадении целевых доминант исследования. Поэтому приоритетным для лингвистического исследования является внимание непосредственно к тексту произведения, который при таком подходе приобретает известную самодостаточность и независимость от фигуры автора, его установок и суждений.

Из этого следует, что максимально полная, герменевтическая установка на исследование поэтонимии произведения предполагает комбинацию лингвистического и литературоведческого подходов. Более того, чересчур категоричное разграничение этих подходов и игнорирование одного из них при интерпретации смыслов поэтонима одинаково влечет за собой опасность неправильного или произвольного его истолкования. Отсутствие внимания к отношениям поэтонима с другими структурами текста (как языковыми, так и надязыковыми) нередко приводит к тому, что поэтонимические смыслы не извлекаются исследователем из текста, а, наоборот, внедряются, «вчитываются» им в текст, и вдобавок выдаются за авторский «замысел». Такая произвольная интерпретация, основанная на имплицативном отождествлении исследовательского и авторского сознания и лишенная надежной опоры на текст, в котором функционирует поэтоним, дискредитирует научный труд и превращает его в своеобразную «игру» по угадыванию якобы заложенных автором смыслов.